

ЧЕТЫРЁХФАЗНЫЕ ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Сейчас, когда история нашей страны выходит на финишную прямую, можно окинуть взглядом прошлое и выделить закономерные, повторяющиеся фазы. Немной замечено: жизнь народа – нередко внешне хаотичная, при пристальном взгляде обнаруживает некий код, принцип развёртывания. Многим, вероятно, бросились в глаза характерные фазы и российской истории.

Например, смута – феномен исключительно российский. Для других стран – нетипичный, а в нашей истории было уже целых три ярко выраженных смуты: начала XVII века, 1905-1920 гг. и 1985-1991 гг. Или модернизация рывком, стремительной мобилизацией народных сил – тоже знакомый способ развития. Прогресс у нас чаще не поступенно-методичный, а авральный, с «Маршем энтузиастов» на устах. Но прогресс недолгий – спринтерским рывком, коротким дыханием.

В целом в российской истории прослеживаются четыре повторяющиеся фазы. Обычно они следуют одна за другой. Причём каждая из ступеней – следствие предыдущей и причина последующей. Сразу перечислим эти четыре стадии:

1) **Смута** – всенародный бунт против всех и вся, самозабвенно-иррациональный слом «проклятого прошлого». После смуты история пишется с «чистого листа».

2) **Модернизация** – идеологическое и технологическое обновление-перевооружение. Модернизации проводят ускоренно, нередко спешным и бездумным заимствованием западных инноваций и прочих плодов просвещения.

3) **Стабилизация** – фаза устойчивого существования. Когда инерция модернизации замедляется, но внедрённые инновации ещё успешно работают, можно насладиться плодами прошедшей модернизации.

4) **Застой** – отставание в идеологической, технической и других сферах. Стабильность третьей стадии рано или поздно сходит на нет. Новой модернизации не предвидится, и стабилизация незаметно сползает в застой.

Смута-модернизация-стабилизация-застой

Смута

Теперь – подробнее о каждой из фаз.

Парадокс: смута – важнейший феномен российской истории, но... самый малоизученный. Попробуйте набрать «смута» – найдёте лишь про Лжедмитрия, про Керенского, ещё пару деталей. Но сама суть смуты, её смысл непременно ускользнёт. Меж тем, не осознать смуту – значит не понять Россию. С явления смуты я бы вообще начинал историю в школах – прямо с пятого класса.

Истоки смут выявить трудно, если искать в истории только разумную упорядоченность, причинно-следственные связи. Функция смуты – очиститься от идеологии, цементирувавшей общество в уходящем социальном цикле, освободиться от старых ценностей. Говоря образно, задача смуты – сравнять с землёй обветшалый социальный фундамент для постройки чего-то нового.

Смута – своего рода массовый психоз, иррациональное разрушение прошлого. Главный принцип: чем хуже – тем лучше. Со стороны кажется, народ сошёл с ума. Словно чувствует: пока не развалим до камешка – не модернизируемся. Полное самоотрицание и идеологическое расформирование государства. Ведь чем тщательней вытравить отжившие устои, тем радикальней грядёт модернизационное обновление.

Разумеется, тотальное разрушение подсознательно. Никто не помышляет: давайте хорошенько поработаем, разнесём родину в пух и прах, зато потом легче осовременимся. И всё же волей-неволей каждый прогрессивный гражданин пытается что-то сломать или хоть навредить по мере сил.

Смута – пожалуй, единственное время искренней народной политической активности. Равнозначно ходят любые идеологии, даже безумные. Поэтому в смутные годы Россия – огромный полигон для баламутов и мошенников, психопатов и безумцев. Их ценят, балуют и вообще с готовностью им следуют. Для здравомыслящих же людей смута – мероприятие весьма болезненное.

Гуляют в смутах обычно лет около десяти. Повторим, важно полностью снести изжитый ценностно-идеологический фундамент, расформировать прежнюю государственность, освобождая место для новой. Так, чтобы уже неясно, выживет ли страна или – всё, это конец. Только тогда сработает инстинкт самосохранения. Иными словами, смуту завершат, лишь при уверенности, что ломать больше нечего, живых ростков не осталось. Неудивительно, из смут Россия выползала съёжившись в размерах, качаясь, словно из тифозного барака.

Итак, смута – следствие, во-первых, полной исчерпанности социальных ценностей, питавших общество ещё вчера. А во-вторых – плод какой-то хронической неспособности к спокойному поступательному прогрессу. Поэтому не оставляет вопрос: почему нельзя развиваться размеренно, монотонной рутинной? Эволюционировать без спазмов, истерии, пусть скучновато, зато каждый день. Что же за психологическая загадка русской души?

Бесполезно искать аналоги смут в других странах. Это типично российское предприятие. Намёк на нечто схожее лично мне известен лишь во Франции. Это – события Великой французской революции и события 1968-го года.

У нас же смута неизбежна – влечёт как рок. Видно, это единственный способ спихнуть страну с социальной мели, вдохнуть новые силы. Ведь удавшихся народных движений, кроме смут в России что-то не вспомнить. Все успешные революции историки впоследствии и называли смутами.

Что же, теперь и нынешняя власть тоже обновится лишь после грядущей «десятилетки саморазрушения» и разбазаривания территорий?

Модернизация

В послесмутную модернизацию государственная идеология строится с нуля.

Модернизация в России – чаще ускоренное заимствование западного научного прогресса. Заимствование суматошно-авральное, при мобилизационном развитии. Впрочем, не всегда западного НТП. Например, в 1920-30-х гг. модернизировались больше собственными силами, отечественной наукой. Однако, что важно: обновившись, Россия и сама становилась страной высших культурных достижений.

Для модернизационных фаз характерна относительная идеологическая свобода. Политическая жизнь ещё не замерла. Но не стоит её переоценивать. Политические баталии – не более чем отзвук идеологической вакханалии недавно отшумевшей смуты. Политический процесс сворачивается – народ ведь уже выбрал новый вектор.

Вновь вопрос: отчего влечёт именно мобилизационно-авральное развитие. Почему модернизация не эволюционно-ежедневная, а надрывная, рывками. И опять нет ответа – обращаемся к тёмным глубинам народного подсознания.

Нередко услышишь такую присказку. На Западе время течёт равномерно – прогресс регулярен, шаг за шагом. А, скажем, в исламском мире время с т о и т не движимо – до прихода очередного посланника. В России же время движется, но революционными катаклизмами. Добавим теперь – в рамках четырёхфазных циклов.

Что ж, спасибо, могло не быть и этого – то есть могло вообще не быть никакого прогресса. Вспомним, что обновившись, Россия становилась страной высших достижений, а таких в мире немного. Целые континенты лежат нетронутыми прогрессом, словно в летаргии. Видно, именно на стадии модернизации и спотыкались страны «третьего мира», застывая в росте.

Выбор «третьих» стран прост: либо западная модернизация, либо западная колонизация.

Стабилизация

Авральная модернизация краткосрочна, как и любой аврал. Обычно охватывает жизнь одного-двух правителей. Итог же модернизации, её инерция – и есть фаза устойчивого развития. Можно сказать, стабилизация – сбор урожая прошедшей модернизации, растрата наследства. Идеологический вектор, обретенный в недавней смуте и модернизации, постепенно окостеневаает, но ещё не загнивает.

При стабилизации внедрённые инновации худо-бедно работают. Поэтому внешняя политика стабильных лет успешна. Во внутренней политике стабилизация – время умеренного патриотизма. Народ в целом доверяет власти. Не столько до-

волен и любит её, сколько не видит, на что её стоит менять. Отсюда – нежелание перемен, политическое равнодушие. На выборах массы пассивно поддакивают власти, не особо вдаваясь в детали. Интеллигенция – тоже умеренно лояльна. Политический процесс замирает.

Застой

Насколько народ сдаёт власти свои права и позволяет организовывать собственную жизнь (вместо самоорганизации гражданским обществом), настолько власть организывает социум в своих интересах. А вскоре – заорганизовывает вдоль и поперёк, становясь монополистом.

Сменять руководство у народа потребности нет – значит, нет и циркуляции власти. Отсутствие конкуренции во власти означает ни что иное как отрицательный отбор во власть, а это неизбежно ведёт к застою. Так что застой – это всего лишь застой во власти, несменяемость власти, следствие неконкурентной среды. Если не сегодняшний плод, то наверняка завтрашний.

Что происходит из чего – застой из отсутствия гражданского общества или напротив, отсутствие гражданского общества из-за застоя, разбирать не будем.

Итак, стабильная жизнь после технико-идеологического перерождения исчерпывается. Инерция модернизации вянет, а нового обновления нет и не предвидится. И отставание России от динамично развивающихся стран всё заметней – стабилизация медленно, но верно съезжает в застой.

Во внешней политике – больше неудачи. Неудивительно, что политический процесс оживает. Апатию сменяет активность – вновь брожение умов. Застойный климат опишем так: противодействие интеллигенции и власти. Интеллигенция уже недовольна, но народ ещё безмолвствует. И это в отличие от смут, когда буйствуют и те, и другие, взявшись за руки.

На творческих кухнях – ропот, цветёт диссидентство. Кто-то пакует чемоданы на Запад. На горизонте – весёлые времена смуты.

Власть пытается продлить своё всесилие закруткой гаек. Бьётся с инакомыслием, но – безуспешно: власть ведь давно пополняется отрицательным отбором.

Теми, кто желает урвать что-то от страны, а не дать ей. Власть теперь – это бесплодные и бессильные, бесполезные и безопасные, творчески ущербные, политические импотенты... Хрущёвскую оттепель сменяют брежневские заморозки.

И всё же тяга к прогрессу в народе налицо. Поэтому застой рано или поздно ведёт к взрыву. В типичном случае – вновь к фазе №1, уже знакомой «культурной революции». Население заходится в смуте и рушит всё направо и налево, освобождая площадку для чего-то нового. Крушит ненавистные идеологические устои, которые мешают радикально обновиться и внедрить достижения, упущенные при стабилизации и особенно застое. Вновь с печалью констатируем: страна если прогрессирует, то лишь пинками, через смуты.

И так далее, и в том же духе. За очередной смутой – новая модернизация. Затем можно спокойно собрать её цветочки в золотом веке стабилизации. Следом вновь застой, смута и... колесо истории покатило дальше.

Сопровождение застою

Неверно, что страна брела к смуте покорно, как река в водопад, что не принимала контрмер. Нет, было осознание, попытки преодолеть.

У всех застоев – свои герои-реформаторы. Это, например, Борис Годунов, который, по словам современника, «цвёл, как финик лиственным добродетели»¹; Александр II, который «не хотел казаться лучше, чем был, но часто был лучше, чем казался» (однако – погиб с седьмого (!) покушения); Столыпин с «вагонами» и «галстуками». Это и недавний наш современник Алексей Косыгин с «золотой пятилеткой» 1966-1970-х годов.

По разным причинам выход из застоя не дался никому. Впрочем, одна из причин налицо. Это – родимое пятно российского народа: нежелание и неспособность сменять власть. Поэтому даже самый светлый реформатор, если вдруг прорвётся во власть, но не будет переизбран лет через 5-8, то забронзовеет, оторвётся

¹ Соловьёв С. М. «История России с древнейших времён», т. 7, гл. 2 // Сочинения: В 18 кн. – М., 1989. – Кн. IV. – С. 192.

от «земли», обростёт «паразитами». Словом, не заметит, как сам завязнет в застое. Ведь застой, напомним – всего лишь неконкурентная среда во власти.

Итак, реформы не задавались. Более того, не покидает чувство, что общество подчас само противилось высвобождению из застоя. Словно жаждало именно смуты как социального инструмента обновления. Увы, к *поступенной* эволюции страна не готова, но цветочков прогресса хочется всем.

Подытожим: внутри застойных событий проглядывают следующие подэтапы: 1) признаки явного застоя в социуме, их осознание; 2) неудачные реформы по выводу из застоя; 3) закручивание гаек как консервативная реакция на это нескладное реформирование, и – финишная прямая к смуте.

Смута начала XVII века

«Мутное время перерастает в смутное», – как поведал писатель. Первой известной и классической стала смута начала XVII века. С неё и начнём.

Имелись ли в конце XVI века, в царствование Годунова предпосылки для внезапных событий, какими явилась смута, или же смута обрушилась как снег летом? Об этом можно долго и безнадежно спорить. Довод в пользу неслучайности слома всех и вся – серьёзное технологическое отставание России от Европы к середине XVI века. Проявился регресс, в частности, в неудачных **з а п а д н ы х** войнах Ивана Грозного.

Если спросить: могла бы Русь XVII века научно-технически прогрессировать и конкурировать, держась прежних традиций – ответ скорей отрицательный. При старых порядках долго бы не протянули – страну поглотил бы Запад.

Нездоровое брожение российских умов открылось к рубежу XVI-XVII веков. Когда некто в Северной земле объявил себя наследником Иоанна Грозного, поначалу к авантюре всерьёз не отнеслись. Не знали ещё, что смута – особый вид безумия; неготовая публика впервые знакомилась с этой национальной забавой.

Когда в 1604-м году армия первого самозванца приближалась к Москве, то состояла, по свидетельству Карамзина, «(...) едва ли из 1500 воинов исправных

всадников и пеших, кроме сволочи, без устройства и почти без оружия».² Однако в столице и «всадников», и «сволочь» встретили любезно.

«Как можно было достичь успеха такому войску и покорить огромную страну», – недоумевает Карамзин. И сам же отвечает: «Нелепою дерзостью и неслыханным счастьем (...) каким-то обаянием прельстив умы и сердца вопреки здравому смыслу, сделав, чему нет примера в истории. Из беглого монаха, козака-разбойника и слуги пана литовского в три года став царём великой державы». «Народ ожидал мятежа как счастья», – продолжает Карамзин, а войско «(...) торжествовало измену как светлый праздник отечества».³

На Руси в стабильные и застойные времена свобода слова – удел лишь юродивых и блаженных. Теперь же – приволье всем, и народ забесновался в смуте. За первым самозванцем явился второй, а там и третий. Уже каждый уважающий себя бродяга объявлял себя «природным» государем – Лжедмитрием, Лжефёдором, как велит фантазия. Первого Лжедмитрия приняла за ожившего истинного даже сама мать царевича Дмитрия. Второго Лжедмитрия признала за воскресшего первого Марина Мнишек – жена первого. Так и вошла в историю как вдова двух самозванцев. А добродушный народ, казалось, принял бы за живого Дмитрия всех самозванцев скопом, и с упоением бы саморазрушался, точно под гипнозом.

Но самое странное – многие, даже серьёзные, проверенные люди тоже почему-то включались в массовые галлюцинации и раздвоения личностей. Московские чиновники, случалось, по два-три раза перебежали в лагерь Самозванца и обратно. «Если не коварство, то чудное оцепенение умов предавало Москву в мирную добычу злодейству», – недоумевает Карамзин.

«Общее кружение голов...», «Чудесное исступление страстей, изъясняемое единственно гневом Божиим!» – вот и всё объяснение, что предлагает историк.⁴

² Карамзин Н.М. История государства российского. В 4-х книгах. Книга четвёртая. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1995, стр. 220.

³ Карамзин, указанное сочинение, стр. 250, 224, 243.

⁴ Карамзин, указанное сочинение, стр. 470, 245, 356.

Меж тем, повторим главное: не расшифровав феномен смуты – не осознать российскую историю.

Головы «чудесно кружились» почти десятилетие. Лишь к 1612-му немного отпустило. В чём же причина финала? Почему не дождались четвёртого самозванца, пятого? Исход смуты неясен, как и её начало. По словам современника – Аврамия Палицына: «(...) государство, заражённое нравственной язвой в страшных судорогах кончалось!»⁵

Кончалось?.. Видно, то и был сигнал: всё, знай меру, значит и нам пора закругляться. Смуту прервал лишь инстинкт народного самосохранения.

Как же теперь, в послесмутье современники объясняли самих себя в недавнем прошлом? «Ум мой омрачился и оцепенел...»; «Словно пелена спала у меня с глаз...», – вот типичные воспоминания о своих подвигах в смуте.

Когда в 1613-м году послы пригласили Михаила Романова на вакантный престол, Романов поначалу благоразумно отнекивался. Чем гарантируете, уважаемые, уточнял, что и в моё царствие не повторите недавних безобразий? Чем докажете, что не увяжете за новым проходимцем?

Что же услышал Михаил Романов? Может, что теперь разрешились какие-то политические, экономические разногласия? Ничуть, ответ совершенно иррационален: «Тем, – ответили послы, – что уже все русские люди **н а к а з а л и с я**».⁶

Вот и всё объяснение первой русской смуты.

Дальнейшее развитие по прежнему сценарию

Последующие события хорошо известны. Поражение под Нарвой в 1700-м году повлекло модернизацию Петра I. «Главный антихрист» российской истории стремительно реформировал армию, науку, издал указы об изысканном обществе и приличных манерах. И к концу царствия имел совершенно иную страну – уже по-европейски модернизированную.

⁵ Цит. по: Карамзин, указанное сочинение, стр. 373.

⁶ Цит. по: Шмурло Е.Ф. История России. 862-1917 гг. – М.: Аграф, 1997, стр. 250.

При матушке Екатерине – качественно иная эпоха, просвещённый абсолютизм. Уже не авральная модернизация, но пока и не застой, – благоденствие на базе недавней модернизации. Правомерно назвать такой период стабилизацией.

Россия в стабильный XVIII век – великая держава на пике могущества. И дворянство, и люди попроще заходятся в искренней лояльности власти. Жизнестойкость стабильной фазы подтвердил народно-освободительный подъём 1812-го года. До Бакунина ни один образованный русский, как бы оппозиционно не был настроен, не защищал восстание как лекарство от самодержавия. Большинство поддержало бы Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный».

Трудно точно определить временные рамки четырёх эпох – смуты, модернизации, стабилизации и стагнации, указать рубежные годы. В каждом цикле протяжённость различна, так что проще найти вершины, расцветы четырёх этапов.

Например, царствование Николая I с равным успехом относят как к концу стабилизации, так и к началу застоя. Возможно, первая ласточка наступавшей третьей фазы – знаменитое письмо Чаадаева.

Расцвет застоя, если можно так выразиться – вероятно, 1860-е годы. Не сказать, что правительство ничего не смыслило в происходящем, не желало модернизации. Напротив, Александр II пытался реформировать, причём сотрудничая с обществом, не дожидаясь бунтов и революций. То есть – перейти от застоя сразу к модернизации, минуя смуту. «Оттепель» Александра-освободителя наполнилась «великими реформами»: тут и отмена крепостного права, финансовое, судебное, военное преобразование, реформы образования, самоуправления.

Увы, итог великих реформ – великий нигилизм. Объясните парадокс: бомбу царю-модернизатору подкинули сами сторонники модернизации. Страна, неспособная к поступенному прогрессу, влезала в застой – но теперь не в последнюю очередь благодаря прогрессистам-революционерам.

В предсмутье (после революции 1905 г.) – новая попытка побороть застой. Правительство Николая II, разгромив революцию, провело-таки назревшие преобразования. Это и новорожденная Дума, и подобие профсоюза, и крестьянские ре-

формы Столыпина, и новые гражданские права. Казалось, пользуйся, вот инструмент, пользуйся, эволюционируй.

Владимир Ильич проживали тогда в Швейцарии, и с грустью констатировали: с мечтами о революции, увы, надо расстаться. «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв грядущей революции, – признавал Ильич. – Но я могу высказать надежду, что молодежь (...) будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».

Нет – не вышло. Поступенная эволюция не далась и сейчас.

Ни экономический рост, ни железные дороги Витте, ни «Мы – Николай Второй» со своим скипетром – ничто не помогало. Бесполезно тратить время на поиски каких-то просчётов в политике Столыпина, других министров. Они делали всё, что можно. Никогда не разобраться, если выискивать в смутах лишь экономические причины, нерешённые проблемы, просчёты – это тупиковый путь. Дело не в тактических промахах, дело в народе. Поэтому будь на месте, скажем, Витте какой-нибудь гений «Икс» – уверяю, пришёл бы к такому же финалу. Страну влекло к саморазрушению, как пьяницу к водке, а дальше, словно в водоворот – в новую смуту.

Так открылась третья проблема России, плюс к двум традиционным: «отмените народ!»

Психологию смуты-самоотрицания прояснят следующие слова народоволки Веры Фигнер: «В моих мыслях, – вспоминает она, – произошёл такой же переворот, как у других; (...) прежде мы думали облегчать страдания народа, но не исцелять их. Такая деятельность была филантропией, паллиативом, маленькой заплатой на платье, которое надо не чинить, а выбросить и завести новое; мы предполагали лечить симптомы болезни, а не устранять её причины. Сколько ни лечи народ, думали мы, сколько ни давай ему микстур и порошков, получится лишь временное облегчение».

Что же за запрограммированность такая! Откуда жажда погибели? Почему все эти народодобивые интеллигенты сами тянут не к поступательному прогрессу,

а к смуте-разрушению? Почему? Мы не знаем почему – можем только констатировать.

Вот и давайте констатировать: инструмент обновления нашей страны – не реформа, а смута. Констатацию можно переиначить: страна наша если прогрессирует, то посредством смут, а не, скажем, парламентской работы, реформ, или чего-то приятственного. Такова особенность страны, как например, особенность пара взрывать котёл, если закрыты клапана. Последнее хотелось бы подчеркнуть, чтобы наши «эволюционеры» взяли, наконец, себе на заметку и оставили иллюзии про поступательность.

Расшифруем теперь идеологию «смутьянов» – она проявилась именно во 2-й смуте. Идея такова: страна, всем уже очевидно, неререформируема – на прогресс способен лишь Запад. Но Запад не в силах интегрировать огромную Россию сразу и целиком. А значит, посильная задача пока – разбивать Россию на кусочки, и по чуть-чуть, мелкими порциями интегрировать в Европу. Только так возможен российский прогресс.

И надо сказать, успехи смутьянов налицо. После 2-й смуты отколоты и интегрированы Финляндия, Польша, Прибалтика. После 3-й смуты «окультурены» Молдавия, Украина, вновь Прибалтика... Впрочем, «не сыпь мне соль на раны...»

Задача-максимум смутьянов – отламывать территории до тех пор, пока не останется такого приемлемого остатка, который уже целиком, за один присест смог бы поглотить Запад.

Занятный психологический момент: после 3-й смуты от тела России оторвали среднеазиатские земли. Причём в дальнейшем некоторые из них (тот же Туркменистан) стремительно деградировали в феодализм. Но и это по душе «смутьянам». Почему? Ответ прост. Потому что, стряхнув среднеазиатское «подбрюшье», Россия ещё уменьшилась в размере и приблизилась к тому заветному формату, который Запад может проглотить зараз.

Продолжим про 2-ю смуту. Примем отправной точкой 1905-й год, начало первой революции. Хотя, если взять годом позже или раньше, тоже не ошибёмся, чрезмерная точность неуместна. С 1905-го года смута шла уже по восходящей,

приведа к катастрофе Первой мировой – к распаду, разброду, развалу и... полному стиранию старой идеологии.

Вновь непонятно, жива страна или нет. Однако пришло время – ударными пятилетками провели модернизацию 1920-1930-х годов. Страна в то время – одна огромная стройка. Где-то с конца 1930-х авральную модернизацию вновь сменила стабилизация – и так до рубежа 1960-70-х. А там, как положено, застой, ну и на десерт – главный триллер российской истории, «культурная революция» 1980-90-х. Вновь, если прогресс, то только через смуту – иначе пока не умеем.

Третья смута, подобно двум прежним, вновь показала иррациональный нрав – что-то вроде всеобщего помешательства. Напряжённо трудились авантюристы и мошенники, пройдохи и прохвосты. Когда у какого-нибудь, даже самого благоразумного обывателя спрашивали: «Ты что же, сукин сын, не видишь: страну ведут к распаду и американизации?», эти самые рассудительные отвечали: «Возможно, наши демократы – и полное г... Но как раньше жить нельзя. Нужен какой-то толчок, сдвиг с мёртвой точки».

Впоследствии «рассудительные» традиционно жаловались на временное отупение и паралич. «Мы не предполагали, что государство разрушат. Думали, побалуются, но всё будет хорошо», – преобладали разговоры в 2000-е. А меж тем смутьяны с самого начала не скрывали цели развалить Союз.

Смута-расформирование, как водится, обернулась модернизацией. Эта новая, уже третья модернизация 1990-2000-х – судорожное и нелепое копирование западных наработок (в основном трудами «челноков») – и так свежа в памяти, чтобы говорить подробно.

Сейчас мы, очевидно, вступили-вступаем в фазу стабилизации⁷ – третьей по счёту. Будем пожинать плоды недавней переорганизации и возврата в западноевропейское русло. Политический процесс, как и положено при стабилизациях, закругляется. Можно лишь сочувствовать нынешним оппозиционерам, которых беззастенчиво выдавливают из политики. Следует помнить: стабилизация – время

⁷ Напомним год написания работы – 2010-й.

всеобщего безразличия и политконформизма. Власть в России обновляется только в результате смут. А значит, лишь в конце грядущего застоя ждём нового общего пробуждения и всплеска.

Итак, что же такое смута, попробуем окончательно сформулировать. Рабочая гипотеза такова: социальная эволюция (=социальный прогресс, социальное развитие) – вещь многотрудная. Далеко не все страны и народы способны к прогрессу, поэтому и пребывают веками без развития.

Для социального прогресса необходимо (хоть и, конечно, недостаточно) развитое гражданское общество, именно оно и есть двигатель развития. А гражданское общество – это западное изобретение, нигде в мире пока больше такого нет.

Россия относится к странам, не способным к самостоятельному социальному росту по причине как раз отсутствия развитого гражданского общества.

Поэтому чем дольше длится фаза застоя, тем больше Россия отстаёт. Представим это образно: пока Россия прошла в социальном усовершенствовании, скажем, две единицы пути, западные страны за это же время – десять единиц.

Однако Россия – страна европейская, и пользоваться плодами развития способна и очень даже желает.

Назревает вопрос: как срезать тот кусок прогресса, который прошёл Запад за время застоя в России? Чтобы перескочить с позиции «две единицы» разом на позицию «десять единиц» используют не реформацию, а слом застойной социальной системы.

Слом старой модели для «квантового скачка» сразу на социальные рельсы позиции «десять единиц» – и есть фаза смуты, «десятилетки разрушений».

Скажем, к рубежу XVII-XVIII вв. Россия что-то явно упускала в общеевропейском прогрессе, и чтобы подключиться к нему, иррационально сокрушила старую структуру. К началу XX века застой в развитии, и одновременно его обратная сторона – потребность плодов европейского прогресса – вновь привели к расформированию устоев. В конце XX века застой опять привёл к аутсайдерству России в

общевропейском процессе и, следовательно, к развалу прежней идеологии. Иначе – к смуте.

Так, кажется, более или менее понятно. По крайней мере – мне.

Проблема XVII века: изобретение европеизации

Итак, четыре фазы российской истории – смута, модернизация, стабилизация, стагнация. И всё же не оставляет неудовлетворённость: к какой стадии отнести XVII век?

Назвать XVII век модернизацией после первой смуты – язык не повернётся. Да, известны попытки царей Михаила и Алексея технологически и культурно обновиться по-европейски. Внедрили, скажем, последние вооружения, другие «западные хитрости». Иностранцы строили на Руси заводы, в школы пригласили «учителей тихих, не бражников». Надели немецкие кафтаны, отважились даже взирать «бесовские игры и пакости душевные» (иначе – театральные представления и спектакли). По словам В. Ключевского: «Преобразовательная программа Петра (...) была вся готова ещё до начала деятельности преобразователя».⁸

Но вряд ли эти разрозненные меры назовёшь полноценной модернизацией. Не в этих фрагментарных нововведениях суть послесмутья. Как же трактовать тогда XVII век?

Ответ найдём у того же Ключевского: европеизация как способ развития – столь привычный и обыденный сейчас, на Руси XVII века был ещё неизвестен. Этот необычный вид модернизации предстояло *изобрести* – сделать социальное открытие. Дальнейшие модернизации-европеизации – вторая, третья, прошли уже гладко, по накатанному. А вот на первую предстояло решиться.

В средневековье Россия не ощущала серьёзной европейской зависимости – жила своим разумом, перерабатывая разве что византийский опыт. Россия и Европа раннего средневековья – цивилизации примерно равные технологически. Лишь в веках XV-XVI в сознании западного европейца очевиден скачок. Труд для него от-

⁸ В.О. Ключевский. Русская история. – М.: Изд-во Эксмо, 2005, стр. 543.

ныне – уже не «имитация адовых мук», а желанная потребность, почётное дело. Вследствие такого нейроусовершенствования западные люди бурно прогрессировали в науке, производстве. Технологическое превосходство над соседями росло. И если бы не модернизация Петра I, нашей стране, вероятно, грозила бы участь прочих стран Востока, спасовавших перед вестернизацией. Скажем, Центральная Азия, Индия, Китай не сразу смогли адаптировать западный вызов. В итоге – становились колониями и полуколониями.

В XVII веке русская мысль мало интересовалась земными делами – этим царством греха, а трудилась больше над нравственно-религиозным. Всё-таки основная цель русича – сберечь душу для посмертной жизни, а не пригреть тело. За желание материального комфорта в мире, который по Писанию «во зле лежит», и ждёт Второго пришествия – навлечёшь лишь Божий гнев. Поэтому все знания, кроме Слова Божия ценилась на Руси – не более чем любопытство неглубокого ума, праздные потехи.

Как читаем в одном поучении: «Богомерзостен пред Богом всяк, кто любит геометрию; а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам; по своему разуму верующий легко впадает в различные заблуждения; люби простоту больше мудрости, не взыскую того, что выше тебя, не испытай того, что глубже тебя, а какое дано тебе от Бога готовое учение, то и держи».

Или ещё характерно: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех; учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов».⁹

Так что, если вы сторонник Запада – значит «богоненавистец и сатанин». Вас только осиновым колом и серебряной пулей и возьмёшь.

И вот перед самоуверенным незнайкой XVII века – дилемма: стоит ли рискнуть, изменяя истинному православию? Продать ли душу дьяволу за призрачные

⁹ Цит. по: Ключевский, указанное сочинение, стр. 504.

западные блага? А может, всё же попробуем? В подобных терзаниях и прожили три поколения послесмутья. С одной стороны, при сохранении статус-кво поражение от Запада неизбежно. А с другой – приспособлять европейский опыт небезопасно. И техническое отставание России усилилось в сравнении даже с досмутным временем.

Вновь – глазами Ключевского: «Прорывавшаяся во всём несостоятельность существующего порядка и неудача попыток его исправления привела к мысли (...) что старина не даст пригодных уроков для настоящего и потому у неё нечему больше учиться, за неё не для чего больше держаться. Тогда и начался глубокий перелом в умах: в московской правительственной среде и в обществе появляются люди, которых гнетёт сомнение: завещала ли старина всю полноту средств, достаточных для дальнейшего благополучного существования. Они теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, всё более убеждаясь в его превосходстве и в своей собственной отсталости. Так на место падающей веры в родную старину и в силы народа является уныние, недоверие к своим силам, которое широко раскрывает двери иноземному влиянию».¹⁰

Не сумеет Россия преодолеть антизападную фобию и обновиться-европеизироваться, её, повторим, ждала бы участь прочей Азии, угодившей в Великую английскую империю – в ту самую, над которой никогда не заходит солнце. Но Россия – не Азия, а Евразия. Двуглавый орёл поглядывал не только на Восток, но, бывает, и на Запад.

Что же помогло одолеть инерцию вековых традиций и отважиться на модернизацию?

Раскол XVII века и его значение

Ответ вновь находим у Ключевского. Раскол в XVII веке русской православной церкви, считает великий историк – вот что обесценило и оставило в прошлом

¹⁰ Ключевский, указанное сочинение, стр. 482.

вековые устои и обычаи. А следовательно – освободило мировоззрение от груза традиций и облегчило последующую модернизацию.

Суть церковного раскола в следующем. Православие, как известно, прижилось на Руси транзитом через Византию, то есть по византийским (=греческим, грекоязычным) канонам. Русь поэтому считалась духовной дочерью Византии. Однако расстояние между двумя странами огромное, сообщение неважное. Переводчики с греческого на старославянский – тоже не все светочи филологии: знали либо один язык, либо другой. Кроме того, христианские культы наслаивались на Руси на прежние раннеславянские, запечатлеваясь в причудливый узор. Местный колорит сквозил во всём – в богослужении, обрядах.

В последующие века пёстрый симбиоз развивался самостийно, как народная песня. Отличия от греко-византийского эталона так въелись, что византийцы, прибыв на Русь, недоумевали: «Это же самодеятельность какая-то, а не православие! Например, видите, в первоисточниках написано: «Иисус» (Ἰησοῦς), с одним «И». А у вас что – «Исус».

«Нет, это не ошибки перевода, – возражали любители местного колорита, – это древнее благочестие. Оно одобрено патриархами и вошло в традицию».

Время шло, в XVII веке Византия – бывший оплот православия, уже дымилась в руинах под турецким игом. Роль общеправославного лидера, защитника истинной веры переходила к другой державе. К какой? К крупнейшему и единственному независимому православному царству – к Москве. Именно ей предстоит стать авторитетной и понятной южноправославным церквям, отвечать за слитность православия в мире. А значит, унификация российского богослужения с греко-византийским, приведение книг к общему знаменателю – важнейшая внешнеполитическая задача. Так в головах москвитян крепнет столетней давности идея «Москва – Третий Рим, а четвёртому не бывать».

Соборы по разрешению разночтений русского и греческого богослужений заседали с середины XVI века, причём с участием патриархов разных православных направлений. И вот, в XVII веке явные промахи российского перевода выявлены,

доказаны и расценены не самобытностью, а неграмотностью, нарушением обряда. В 1667-м году собор святителей России и Православного Востока осудил всех не покоряющихся новоисправлениям. Такова вкратце история раскола.

Отказ от древнецерковных канонов неожиданно повлиял на российский менталитет. Авторитет православной старины в местных умах ослаб и подорвался. А значит – общественно-политическую жизнь можно начать, если не с нуля, то без инерции прежних традиций.

Так церковной реформой XVII века отсекались сразу несколько столетий русского прошлого. Раскол открыл психологические шлюзы, раскрепостил сознание для дотоле неслыханного – модернизации по западному образцу.

У Ключевского читаем: «Прорывавшаяся во всё несостоятельность существующего порядка и неудача попыток его исправления привела к мысли (...) что старина не даст пригодных уроков для настоящего и потому у неё нечему больше учиться, за неё не для чего больше держаться. Тогда и начался глубокий перелом в умах: в московской правительственной среде и в обществе появляются люди, которых гнетёт сомнение: завещала ли старина всю полноту средств, достаточных для дальнейшего благополучного существования. Они теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, всё более убеждаясь в его превосходстве и в своей собственной отсталости. Так на место падающей веры в родную старину и в силы народа является уныние, недоверие к своим силам, которое широко раскрывает двери иноземному влиянию».¹¹

«Русское общество разделилось на два лагеря, на почитателей родной старины и приверженцев новизны, т.е. иноземного, западного, – объясняет Ключевский. – Руководящие классы, оставшиеся в ограде православной Церкви, стали проникаться равнодушием к родной старине, во имя которой ратовал раскол, и тем легче

¹¹ Ключевский, указанное сочинение, стр. 482.

отдавались иноземному влиянию». «Так было устранено одно из главных препятствий, мешавших успехам западного влияния», – заключает историк.¹²

Заключение

На сегодня российская история освоила два с половиной четырёхфазных цикла. Пережила три смуты, три модернизации и вступает сейчас в третий период стабилизации. («Сейчас», то есть в 2010-м году, – К.К.). Стоит ли утверждать, что дальнейшие события пойдут именно по прежнему четырёхфазному сценарию? Или всё же не станем зачаровываться отвлечёнными схемами, а сделаем более скромный вывод. Ведь наличие повторяющихся циклов в прошлом вовсе не гарантирует их соблюдения в будущем. История, как известно, таит сюрпризы, причём преподносит их, когда ожидаешь предсказуемого шаблона. Поэтому посчитаем российскую четырёхфазность лишь тенденцией.

Кроме того, мир меняется, история не буксует. Сегодняшняя Европа уже не тот безусловный эталон, что прежде. Самостоятельные пути прогресса демонстрирует не только Запад, но и Восток.

Так что двуглавному орлу стоит внимательно осмотреться по сторонам, прежде чем на что-то решиться. А может, и вновь, как в XVII веке открыть новые эталоны прогресса – на сей раз восточные.

2010-й год

¹² Ключевский, указанное сочинение, стр. 542, 517.